

Сурикова Олеся Дмитриевна

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ПРИСТАВКОЙ И ПРЕДЛОГОМ БЕЗ
В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ И ФОЛЬКЛОРЕ:
СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННЫЙ
И ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2016

Работа выполнена на кафедре русского языка и общего языкознания
Института гуманитарных наук и искусств
Федерального государственного автономного образовательного учреждения
высшего образования «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор,
профессор РАН **Березович Елена Львовна**

**Официальные
оппоненты:** **Коновалова Надежда Ильинична**, доктор
филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО
«Уральский государственный педагогический
университет», профессор кафедры общего
языкознания и русского языка;

Подюков Иван Алексеевич, доктор
филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО
«Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет», заведующий
кафедрой общего языкознания

Ведущая организация: ФГБУН Институт славяноведения РАН
(Москва)

Защита состоится 12 октября 2016 г. в «14:00» час. на заседании
диссертационного совета Д 212.285.15 на базе ФГАОУ ВО «Уральский
федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал заседаний
диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина»,
<http://lib.urfu.ru/mod/data/view.php?d=51&rid=259370>

Автореферат разослан “ ____ ” _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,
доцент

Е. Е. Приказчикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В настоящем диссертационном исследовании осуществляется комплексный этнолингвистический анализ лексики с приставкой *без-* и предложно-падежных форм существительных с предлогом *без:* с одной стороны, изучается семантико-мотивационное своеобразие *без-*префиксальных единиц, бытующих в русских народных говорах, с другой – устанавливается специфика функционирования слов и конструкций с *без* в текстах, имеющих сходный с диалектной лексикой этнокультурный фундамент, – в произведениях русского фольклора. Необходимость изучить слова и конструкции с приставкой и предлогом *без* в этнолингвистическом ракурсе обусловлена тем, что они, будучи одним из базовых средств выражения негации в русском языке, обладают яркой аксиологичностью: последовательное отрицание тех или иных предметов и явлений маркирует внимание к ним номинатора, а следовательно, конституирует их значимость в системе ценностей. Исследование корпуса *без-*префиксальных диалектных слов и *без-*конструкций, функционирующих в фольклоре, открывает дорогу к значимому фрагменту традиционной картины мира.

Этнолингвистический подход к анализу лексических данных, который применяется автором диссертации и подразумевает выявление отраженных в языке этнокультурных представлений об объектах действительности, разрабатывается в трудах Н. П. Антропова, Е. Бартминьского, Е. Л. Березович, Т. Н. Бунчук, М. М. Валенцовой, Т. В. Володиной, Л. П. Дроновой, Г. И. Кабаковой, И. Б. Качинской, Н. И. Коноваловой, Л. Я. Костючук, Д. Младеновой, В. М. Мокиенко, А. Б. Мороза, А. А. Плотниковой, И. А. Подюкова, И. А. Седаковой, С. М. Толстой, А. Т. Хроленко, Е. И. Якушкиной и др. Реконструкция фрагментов народной картины мира на основании семантико-мотивационного анализа диалектной лексики осуществляется в работах

екатеринбургских этнолингвистов (к числу которых относит себя и автор этой диссертации): Е. Л. Березович, О. В. Атрошенко (Моргуновой), Е. О. Борисовой, А. А. Едалиной, М. А. Ереминой, Е. Д. Казаковой (Бондаренко), Ю. А. Кривошаповой, Т. В. Леонтьевой, К. В. Пьянковой (Осиповой), М. Э. Рут, А. В. Тихомировой, Л. А. Феоктистовой, Е. В. Шабалиной и др.

Характеристика этнокультурной специфики языкового материала на основании семантико-мотивационной реконструкции нередко требует подключения собственно этимологического анализа. Примеры этимологизации лексем с опорой на этнокультурный фон, в котором существуют называемые ими реалии, представлены в сочинениях А. Е. Аникина, Ж. Ж. Варбот, А. Ф. Журавлева, Н. В. Кабининой, Л. В. Куркиной, А. Ломы, А. К. Матвеева, С. А. Мызникова, С. М. Толстой, В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева, М. Якубович, И. Янышковой и др.

Принятая в работе установка на комплексность анализа, определенная стоящей перед автором задачей изучить то, как функционируют безконструкции в тексте, предполагает обращение к инструментарию отдельной области этнолингвистики – лингвофольклористики. Бытованию в фольклоре отдельных языковых элементов (вплоть до мельчайших значимых единиц – морфем), воплощению в текстах устного народного творчества тех или концептов, выяснению специфики разных жанров с позиций лингвистики и самой значимости реконструкции народной картины мира через привлечение фольклорных данных посвящены труды Т. А. Агапкиной, Н. И. Андреевой-Васиной, М. А. Бобуновой, Ю. Н. Ильиной, И. С. Климас, С. Небжеговской-Бартминьской, Л. Г. Невской, С. Е. Никитиной, П. И. Павленко, Г. Л. Пермькова, С. П. Праведникова, Н. В. Свешниковой, С. М. Толстой, А. Т. Хроленко и др.

Объектом исследования является лексика с приставкой и конструкции с предлогом *без* в русской языковой традиции. К анализу привлекаются

лексические единицы русских народных говоров и общенародного языка, представленные в системе языка и в фольклорных текстах. В ряде случаев для создания более полной картины бытования и развития слова мы прибегаем также к данным книжной традиции, фактам древнерусского и старославянского языков, фактам ономастики (антропонимам – прозвищным антропонимам, фамилиям, патронимам; топонимам); в качестве фона для сопоставления при необходимости используется инославянский материал (преимущественно восточно- и западнославянский).

Предмет анализа – семантическое своеобразие и мотивационные связи без-префиксальной лексики, а также особенности функционирования слов с приставкой *без-* и предложно-падежных форм существительных с предлогом *без* в фольклорных текстах.

Цель исследования – выявление этнолингвистического и лингвокогнитивного своеобразия слов и конструкций с приставкой и предлогом *без* в русской языковой традиции (общенародном языке, говорах, произведениях устного народного творчества).

Задачи исследования:

1) используя данные диалектных словарей русского языка и собрания текстов устного народного творчества, выявить пласт *без-*префиксальной лексики, представленной в русских народных говорах, а также корпус слов с приставкой *без-* и конструкций с предлогом *без*, функционирующих в текстах разных фольклорных жанров;

2) произвести словообразовательно-этимологический анализ диалектной и общенародной лексики с приставкой *без-*, осуществить корневую идентификацию лексем;

3) выявить доминантные сферы производящей семантики, определив значения наиболее продуктивных корней, участвующих в словопроизводственном процессе с приставкой *без-*;

4) установить доминантные сферы производной семантики, изучив

отношения лексической системности (синонимии и аналогии) в сфере *без-*префиксальной лексики;

5) построить шкалу идиоматичности *без-*префиксальной лексики, а также шкалу глубины семантической деривации;

6) изучить возможности развития нетривиальной семантики и мотивации слов с префиксом *без-*, обратившись к таким явлениям, как энантиосемия, «незначащее» *без-*, а также процессам контаминации и аттракции с участием лексем с приставкой *без-*;

7) проанализировать семантико-мотивационное своеобразие *без-*префиксальных лексем, образованных от основ одной тематической группы (на примере отсоматической лексики);

8) охарактеризовать специфику функционирования слов и сочетаний с приставкой и предлогом *без* в русских фольклорных текстах: определить, в текстах каких жанров они наиболее частотны, установить причины этой активности, соотнеся природу жанра и семантику *без-*конструкций; выявить тематическую принадлежность и функции «фольклорных» *без-*конструкций;

9) рассмотреть «темные» в мотивационном отношении *без-*префиксальные слова (на фоне гнезд, к которым они принадлежат) с позиций этимологии, исторической лексикологии, семантико-мотивационной реконструкции.

Используются следующие **методы и процедуры анализа**: семантико-мотивационная реконструкция, семасиологический, ономасиологический, компонентный, словообразовательно-этимологический, текстологический, лингвопрагматический анализ, идеографическая и мотивационная классификации, интерпретация контекстной семантики, а также приемы лингвостатистики.

Системно-языковой **материал** для исследования – около 4 000 слов с приставкой и предлогом *без* – был извлечен путем сплошной выборки из

диалектных словарей русского языка. Среди них «Словарь русских народных говоров», «Новгородский областной словарь», «Словарь русских говоров Среднего Урала», «Словарь говоров Русского Севера», «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей», «Словарь псковских пословиц и поговорок», «Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры» и др., всего более 70 словарей. Основной массив материала представлен данными словарей севернорусского наречия (архангельских, вологодских, новгородских, псковских и др. говоров) и говоров зон вторичного заселения (Среднего Урала, Западной Сибири), поскольку русская традиция диалектной лексикографии наилучшим образом освещает именно эти говоры.

Кроме того, в работу включены лексические единицы, извлеченные из неопубликованных полевых источников, которые хранятся на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ, – лексической картотеки Топонимической экспедиции (ТЭ) УрФУ по территории Костромской области, а также картотеки «Словаря говоров Русского Севера» (Архангельская и Вологодская области). В сборе полевого материала в составе ТЭ УрФУ принимал участие и автор настоящего исследования: им совершено 5 полевых выездов в Вологодскую и Костромскую области в 2012–2016 гг.

Источниками текстового материала (более 2 200 контекстов из фольклорных произведений) послужили сборники пословиц и поговорок, загадок, частушек, собрания заговоров, причитаний, былин, лирических песен, духовных стихов и др., в их числе «Пословицы русского народа» В. И. Даля, «Загадки русского народа» Д. Н. Садовникова, «Великорусские заклинания» Л. Н. Майкова, «Причитанья северного края» Е. В. Барсова, «Онежские былины» А. Ф. Гильфердинга и пр., всего более 40 источников.

Факты общенародного языка, жаргонов и аргослов извлечены из «Словаря современного русского литературного языка» в 17 тт., словарей под ред. Н. Ю. Шведовой, С. А. Кузнецова и т. д.; а также из «Словаря офенского

языка» В. И. Даля, «Большого словаря русского жаргона» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной и пр. – соответственно.

Для системного освещения материала к анализу привлекаются не только диалектные слова и сочетания, но и единицы, принадлежащие другим формам существования языка – литературному языку, жаргонам и аргю. В ряде случаев потребовалось прибегнуть к ономастическим данным, к фактам старославянского, древнерусского и инославянских языков.

Следует отметить, что префикс и предлог *без* неоднократно оказывались в поле зрения исследователей: изучались проблемы формальных, семантических и сочетаемостных свойств приставки *без-*, функционирующей на синхронном уровне в русском литературном языке (работы Г. О. Винокура, Е. А. Земской, О. С. Иссерс и Р. М. Гейгера, И. С. Улуханова, Б. А. Успенского, И. Фужерон, И. Червенковой, П. С. Щетинина и др.) и диалектах (сочинения Т. В. Степановой), в других славянских языках (труды Д. Бошкова, Б. Гавранека, Й. Оконевой, Я. Россовского, Я. Соколовского, А. и С. Спасовых и др.). Исследовались особенности функционирования приставки *без-* в диахроническом аспекте – в древнерусском, старорусском, церковнославянском языках (сочинения А. И. Бахарева, В. Н. Виноградовой, Н. В. Герасимовой, С. П. Обнорского и др.).

Существуют также работы, посвященные изучению ценностного и прагматического потенциала приставки и предлога *без*: как ценностно маркированные рассматривались праславянские **bez-*образования (А. Ф. Журавлев), отдельные лексемы с приставкой *без-*, принадлежащие современному русскому литературному языку (Л. П. Ефанова), *без-*префиксальные слова, функционирующие преимущественно в псковских говорах (Т. В. Степанова), небольшая выборка *без-*префиксальной диалектной лексики (Т. И. Вендина), *без-*конструкции, фигурирующие в отдельных фольклорных текстах – в некоторых заговорных мотивах

и формулах (Т. А. Агапкина, С. М. Толстая). Фрагментарность имеющихся данных определяет **актуальность** предпринимаемого нами исследования: она состоит в том, что слова и конструкции с приставкой и предлогом *без* подвергаются комплексному этнолингвистическому изучению, учитывающему их функционирование на синхронном уровне языка (в диалектной и общенародной стратах – «хранилище» традиционных представлений о мире) и в тексте – в разных жанрах фольклора; такой анализ до сих пор не осуществлялся в русистике.

Научная новизна работы. В диссертации впервые произведен комплексный этнолингвистический анализ русских слов с приставкой *без-* и предложно-падежных форм существительных с предлогом *без*, являющихся важнейшими средствами выражения языковой негации. В научный оборот введен новый лексический материал, извлеченный в том числе из неопубликованных источников, а также собранный в полевых условиях. Разработана и апробирована методика семантико-мотивационного анализа лексики, объединенной на морфемном основании, которая предполагает учет объема этимолого-словообразовательных гнезд и отношений системности на уровнях производящей и производной семантики, анализ семантического своеобразия производящих основ и приставочных образований, а также выявление случаев нетривиальной семантики и мотивации (в том числе энантиосемии). Предложена и апробирована методика лингвопрагматического анализа фольклорного текста, предполагающая установление функций, которые выполняют в нем мельчайшие значимые единицы – морфемы и грамемы. Выявлен комплекс ценностей, отсутствие которых наиболее последовательно постулируется словами и конструкциями с приставкой и предлогом *без* в лексической системе русских говоров и фольклорных текстах. Осуществлена семантико-мотивационная реконструкция ряда «темных» лексем.

Теоретическая значимость диссертации. Результаты исследования

вносят вклад в реконструкцию традиционной языковой картины мира; дополняют имеющиеся представления о когнитивных механизмах отрицания; способствуют развитию этнолингвистики, диалектной лексикологии, теории семантической реконструкции, этимологии, исторической лексикологии. Предложенный механизм изучения приставочной лексики с позиций лингвистической аксиологии может быть полезен для исследований по словообразованию и лингвопрагматике. Выводы о жанровой специфике фольклорного текста, полученные посредством изучения функций его мельчайших значимых единиц, имеют значение для лингвофольклористики.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты и выводы могут использоваться в практике вузовского преподавания (в курсах по этнолингвистике, словообразованию, русской диалектологии, лингвистической прагматике, синхронной и исторической семантике, этимологии), а также в практике составления этимологических и исторических словарей русского языка.

Апробация работы. Положения и выводы настоящего исследования были изложены автором в докладах на III международной научной конференции «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург, 2015), международном этимологическом симпозиуме «Śladami myśli etymologicznej», посвященном 100-летию со дня рождения проф. Фр. Славского (Краков, 2016), XLIII Международной филологической конференции (Санкт-Петербург, 2014), III Всероссийском конгрессе фольклористов (Москва, 2014), всероссийской научно-практической конференции «Проблемы лингвистического краеведения», посвященной 80-летию К. Н. Прокошевой (Пермь, 2014), IV конференции студентов и аспирантов «Антропология. Фольклористика. Социolingвистика» (Санкт-Петербург, 2015), межвузовской конференции молодых ученых «Слово в традиционной и современной культуре» (Екатеринбург, 2013, 2014). По

теме исследования опубликовано 18 работ, из них 9 – в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК (в том числе 2 – в журналах, входящих в международные базы Web of Science и Scopus).

Степень достоверности результатов определяется достаточным объемом проанализированного лексического материала (около 4 000 единиц) и текстового материала (более 2 200 контекстов из произведений устного народного творчества); использованием адекватных поставленным целям и задачам методик анализа, позволяющих осуществить семантико-мотивационную реконструкцию и этнолингвистическую интерпретацию избранного лексического массива; привлечением трудов по этнолингвистике, фольклористике, словообразованию, этимологии, ономастике, семантике, диалектной лексикологии, прагматике фольклора, связанных с проблематикой исследования.

Положения, выносимые на защиту:

1. В словах с приставкой *без-* и предложно-падежных формах существительных с предлогом *без*, являющихся важными репрезентантами негации в языке, воплощены представления носителей языка о ценностях (антиценностях). Для изучения той части представлений, которая связана с традиционным крестьянским социумом, целесообразно обратиться к лексике русских народных говоров и поэтическим жанрам русского фольклора.

2. Для того чтобы извлечь этнокультурную информацию из корпуса *без-*префиксальной лексики, следует учитывать объем этимолого-словообразовательных гнезд, которые она составляет, и отношения системности на уровнях производящей и производной семантики. В *без-*префиксальной лексике отражены лингвоаксиологические доминанты упорядоченности, целесообразности и рациональности, которые конкретизируются в частных тематических областях: обозначаются нарушения временной приуроченности действий и событий, превышение

меры, социальные девиации (конфликтное взаимодействие человека с окружением, девиации в семье, бедность), личностные отклонения от нормы (отсутствие памяти, практической сметки, легкомысленность, неспособность трудиться, неумелость) и др.

3. *Без-префиксальные* лексемы имеют разную степень идиоматичности: максимальная степень наблюдается у деэтимологизированных лексем и слов, в составе которых префикс *без-* лишен значения отрицания и выполняет функцию семантического усиления. К возрастанию идиоматичности могут приводить процессы контаминации *без-префиксальной* лексики с другими словами. В зависимости от глубины семантической деривации *без-образований* выделяются слова с минимальной степенью семантической деривации; слова, в которых реализуются механизмы номинативной конденсации, метонимии, а также комплексный морфолого-семантический механизм ступенчатого метонимически-метафорического сдвига. Выделяются случаи нетривиального семантико-мотивационного развития *без-префиксальных* лексем, которые можно разделить на два типа: 1) слова с усилительным *без-*, свидетельствующие о тяготении *без-образований* к генерализации негативной семантики; 2) *без-префиксальные* слова, развивающие полярные значения (чаще всего эмотивы и обозначения нестабильной категории – меры, временной или количественной).

4. Одним из продуктивных концептуальных кодов, реализующихся в *без-префиксальной* лексике, является код соматический. Анализ корпуса отсоматических лексем с приставкой *без-* позволяет построить «карту тела», включающую органы, чье отсутствие или неудовлетворительное функционирование отмечается в номинации (глаза, зубы, голова, борода, руки, ноги etc.). Семантическая детализация отсоматических наименований зависит как от собственно языковых факторов (стилистическая и смысловая специфика производящей основы), так и от факторов экстралингвистических

(степень функциональности органа, его значимость для человеческой жизни и символическая значимость).

5. Анализ текстов русского фольклора показал, что в одних жанрах лексемы с префиксом *без-* и предложно-падежные формы существительных с предлогом *без* весьма частотны (это пословицы и поговорки, загадки, заговоры и обрядовые причитания), в других встречаются в умеренном количестве (например, былины), в третьих – практически отсутствуют (частушки). Роль *без-*конструкций в текстах варьирует от минимальной до структурообразующей, а причины активности разнятся в зависимости от прагматического своеобразия жанра. В пословицах и поговорках, нацеленных на экспликацию нормативной модели поведения, нередко противопоставляются норма и аномалия. Последняя часто обозначается с помощью указания на отсутствие чего-либо, которое выражается в тексте посредством предлога и приставки *без*. В загадках ставится задача угадать фрагменты реального мира, зашифрованные посредством метафоры, в построении которой нередко участвуют *без-*конструкции; при этом предлагается отгадать денотат по необладанию неотчуждаемым / необходимым свойством. *Без-*конструкции, фигурирующие в заговорах, способствуют реализации функции магического уничтожения злых сил. Семантико-прагматическая доминанта обрядовых причитаний – идея лишения, отсутствия / недостачи чего-л., воплощаемая главным образом словами и сочетаниями с предлогом и приставкой *без*.

6. Текстовая экспликация структурных схем «без X нет Y» и «Y существует без X (хотя X является необходимым)» – один из базовых способов указания на аномалию в фольклоре. Установление типа логических отношений, который обозначают лексемы, занимающие позиции X и Y (где X – «предмет отрицания», Y – объект, лишенный X), дает возможность сформулировать основной когнитивный механизм аномалии. Аномалию в фольклоре, как правило, иллюстрируют указания на целое без части,

ситуацию без значимого компонента, а также нерасторжимую (в том числе мнимо нерасторжимую) и тем не менее расторгнутую связь.

7. Аксиологическая сетка, закрепленная в фольклоре, соотносима с лингвоаксиологическими доминантами, отраженными в системе языка, но при этом имеет жанровую обусловленность. Так, в пословицах и поговорках основные ценности (утверждаемые через отрицание) воплощаются словами *хлеб, деньги* (и другие обозначения финансов), *ум, разум, дело, грех, порок, честь, счастье, талант, доля*. В текстах социально ориентированных причитаний с помощью *без-конструкций* маркируются в первую очередь обозначения онтологических понятий – *счастье / часть, талант*. В загадках, оперирующих преимущественно наименованиями объектов материального мира, содержатся указания на те предметы, которые обладают четко определенными функциями и находятся в ближнем круге внимания номинатора: *руки, ноги, крылья, топор, углы* (строения).

8. Выявление семантико-мотивационных закономерностей, присущих изучаемой лексике, позволяет предложить мотивационные и этимологические решения для ряда «темных» слов: новг. *беспелю́ка* ‘бестолковый человек’, влг. *бесту́же* ‘прилежно, старательно’, вят. *бесче́стье* ‘плата за невесту’, свердл. *бескура́жный* ‘наглый, бесстыжий’, нижегор. *безгíда* ‘метель с сильным ветром, вьюга’, нижегор. *бесшалáнный* ‘легкомысленный’ и мн. др.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав, заключения и шести приложений (в отдельном томе). Общий объем работы – 411 страниц (без учета приложений). Список литературы включает 445 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **ВВЕДЕНИИ** кратко охарактеризована история вопроса, специфика материала и его источники; определены цель и задачи исследования, основные методы и процедуры анализа; обозначена актуальность; описана структура работы.

ПЕРВАЯ ГЛАВА озаглавлена **«Семантическая и мотивационная специфика без-префиксальной лексики в русской языковой традиции: общий обзор»**. В **параграфе 1.1** охарактеризованы существующие и предложены новые аналитические процедуры, которые позволяют извлекать этнокультурную информацию из корпуса *без-префиксальной лексики*. Одна из этих процедур – исследование фрагментов этимолого-словообразовательных гнезд, включающих слова с приставкой *без-*, – представлена в **параграфе 1.2** *«Словообразовательные гнезда без-префиксальной лексики: Доминантные сферы производящей семантики»*. Для того чтобы определить корни изучаемых слов, а значит, принадлежность последних к тем или иным этимолого-словообразовательным гнездам, основной массив системно-языкового материала был подвергнут этимолого-словообразовательному анализу. Выяснилось, что проанализированный корпус материала содержит дериваты от 548 корней и идиоматичных комплексов «предыдущая приставка + корень» или «корень + суффикс»; их число возрастает до 659, если учитывать неидиоматичные приставочно-корневые комплексы¹.

¹ Поскольку исследование синхронного словообразования не входит в круг основных задач диссертации, а главный интерес представляют аксиологические механизмы *без-префиксации*, мы осуществляем «снятие» морфемного окружения корня. Однако если присоединяющиеся к корню суффикс или приставка, предыдущая префиксу *без-* в составе слова, значительно изменяют семантику корня, они от корня не отделяются. Такие приставочно-корневые или суффиксально-корневые комплексы учитываются как

Приняв гипотезу, что последовательное присоединение префикса *без-* к словам, содержащим определенные корни, указывает на ценностную значимость явлений и объектов, которые этими словами названы (и/или на аксиологическую выделенность сфер действительности, к которым они относятся), мы сосредоточились на установлении продуктивности отдельных основ в производстве *без-*префиксальной лексики. Кроме того, было установлено, что о важности реалии свидетельствует существование синонимичных / тематически связанных номинаций: соединяясь с приставкой *без-*, они указывают на отсутствие чего-либо концептуально значимого (например, наряду с новг., пск. *бездомóвный* 'не имеющий своего дома', фиксируются смол. *бесхátный*, перм., смол. *безы́збнó(ы)й* 'то же' и др.).

Комплекс аналитических процедур, направленных на выявление тематической принадлежности и частотности корней *без-*префиксальной лексики, а также отношений системности между корнями («синонимии», «гиперо-гипонимии», «гипонимии»²), позволил определить доминантные сферы производящей для *без-*образований семантики. К их числу относятся семья и дом, труд и имущество, способность к социализации и коммуникации. Внимание номинатора привлекают онтологические категории – судьба, счастье и несчастливость. Отдельную продуктивную группу производящих для *без-*префиксальной лексики основ составляют

отдельные производящие единицы и условно называются *идиоматичными*. Неидиоматичными считаются комплексы, включающие суффиксы и приставки (помимо *без-*), которые существенно не преобразуют обобщенную семантику корня.

² Термины *синонимия*, *гипонимия* и др. приводятся в кавычках, поскольку корневые морфемы имеют более размытые, диффузные значения, нежели собственно лексемы, и говорить о «полноценных» отношениях лексической системности, предполагающих по отношению к себе тонкие инструменты дифференциации смысловых оттенков, затруднительно.

названия институциональных и неинституциональных механизмов регуляции поведения: *стыд, закон, честь, люди* (как обозначение нормативной среды) и т. д. Можно заключить, что традиционная ценностная иерархия и наивное миропонимание во многом зиждутся на представлениях об упорядоченности, практической целесообразности и рациональности. Отступления от условной нормы, касающейся этих фундаментальных качеств, привлекают внимание и номинируются: существуют разнообразные указания на нарушения регламентированного режима сна и питания, чередования труда и отдыха, выполнения сезонных работ, правил социального взаимодействия. Сквозь призму представлений о порядке и целесообразности видится не только жизнь человека, но и бытие: для диалектоносителей важны такие характеристики бытия, как дискретность процессов, предельность пространства, фиксированность временных промежутков, соблюдение качественной и количественной меры.

Дополнить знания об аксиологической значимости *без-*префиксации и верифицировать результаты анализа фрагментов этимолого-словообразовательных гнезд позволяет анализ системных отношений между носителями производной семантики – словами с префиксом *без-*, – осуществленный в **параграфе 1.3** *«Отношения лексической системности в сфере без-префиксальной лексики: Доминантные сферы производной семантики»*. Выявив *без-*префиксальные внутри- и междиалектные синонимы и аналоги, мы составили перечень ключевых идеограмм, которые наиболее последовательно воплощаются с помощью слов с приставкой *без-*. Идеограммы объединяются в шесть смысловых блоков: ▪ «Негативные характеристики человека» (глупость, бестолковость; безграмотность, необразованность; легкомысленность, беззаботность, беспечность; неряшливость, бесхозяйственность, нерадивость; неумелость, неспособность к чему-н.; своеволие, непослушание; капризность, шумливость, неугомонность; наглость, бесстыдство; докучливость, надоедливость);

▪ «Девииации в семье» (сиротство; бездетность; незаконнорожденность; холостячество; отсутствие присмотра, опеки); ▪ «Неблагополучные обстоятельства жизни» (несчастье, беда; бедность; бездомность; болезнь, соматическая аномалия, слабость; худоба; голод); ▪ «Ландшафт, почвы и погодные условия» (плохая погода; бездорожье; неплодородная, неудобренная земля); ▪ «Рациональная оценка» (отсутствие порядка; отсутствие пользы; отсутствие меры); ▪ «Время и регламентация жизни» (несвоевременность; беспрерывность).

Основные сферы производящей для *без-*образований и производной семантики во многом совпадают: за ключевыми идеограммами также стоят представления об упорядоченности, целесообразности и рациональности, о значимости семьи, полноценного и бесконфликтного взаимодействия человека с ближним и дальним окружением, о важности труда и способности трудиться и т. д. Симптоматично, что номинативное выделение ряда идеограмм базируется именно на представлениях о труде, продуктивность которого обеспечивается многими факторами. Нарушение каждого из них оборачивается недостаточной производительностью работ: к невозможности работать приводят болезнь, слабость, худоба, преклонный возраст, несоблюдение режима труда и отдыха, пренебрежение мерой; нарушение календаря хозяйственных работ грозит отсутствием результатов труда; наконец, сам этот календарь может быть «скорректирован» неподвластными человеку обстоятельствами – погодными условиями или даже «несудьбой».

Параграф 1.4 *«Шкала идиоматичности без-префиксальной лексики. Шкала глубины семантической деривации без-образований»* направлен на обнаружение наиболее общих мотивационных закономерностей для слов с приставкой *без-*. Степень идиоматичности *без-*образований варьирует от минимальной (арх., перм. *бессне́жица* ‘отсутствие снега’) до максимальной (случаи деэтимологизации и слова, содержащие усилительное *без-*: калуж. *беспардо́нный* ‘плохой, ненужный’, ср. литер. *пардон*

‘прощение’, ‘просьба о прощении, извинении’; пск. *бездурость*, *бездурье* ‘блажь, дурь’); может определяться собственной мотивационной «программой» лексем или влиянием на них морфо-семантического поля (случаи аттракции и контаминации *без-*префиксальной лексики с родственными или неродственными словами: сиб. *безострый* ‘безостый’; петерб., яросл. *бесталантливый* ‘неудачливый, несчастный, обездоленный // бездарный, без способностей’, ср. тюркизм *талан* ‘счастье, удача’ и грецизм *талант* ‘одаренность’).

Установление позиций шкалы глубины семантической деривации базируется на определении семантического прироста, не выводимого из суммы значений компонентов слова. Наличие и глубина семантической деривации зависят от действия следующих механизмов: ■ номинативная конденсация (ср. перм. *безодетый* ‘недостаточно тепло одетый’, арх. *беспамятной* ‘имеющий плохую память, забывчивый’, где механизм номинативной конденсации «работает» на уровне производящих основ: *тепло одеться* → *одеться*, *хорошая память* → *память*); ■ метонимия (ср. случаи обозначения бедности через указание на отсутствие определенных деталей одежды: мордов. *безгунный*, арх. *бескафтанный* ‘бедный, нищий’, ср.-урал. *безлапотник* ‘бедняк, нищий’, арх. *беспорточник* ‘нищий, оборванец’); ■ морфолого-семантический механизм ступенчатого метонимически-метафорического сдвига (ср. реализацию модели «темный → глупый» словом *бесподенный* ‘бестолковый’: *полдень* ‘середина дня, когда ярко светит солнце’, *бесподенный* – ‘не имеющий отношения ко времени, когда ярко светит солнце’ → ‘темный’ → ‘бестолковый’).

Параграф 1.5 «О нетривиальной семантике русских слов с приставкой *без-*» посвящен *без-*префиксальным «маргиналиям» – случаям, когда приставка *без-* в составе слова не обозначает отсутствие чего-л., но имеет усилительную функцию (ср. смол. *беспокутный* ‘невеселый, печальный’

при смол. *поку́тный* ‘грустный, скучный’; новг. *безотча́нный* ‘смелый, решительный’), а также фактам энантиосемии – антонимии лексем, находящихся в отношениях лексико-словообразовательного варьирования (ср. пск. *бессту́диться* ‘не иметь стыда’, ‘стыдиться’; смол. *безжи́льный* ‘выносливый, двужильный’, ‘бессильный, слабый’). Приобретению префиксом *без-* усилительной функции способствуют экспрессивность или деэтимологизированность лексемы / ее производящей основы, негативно-экспрессивная «инерция» полевой семантики, стремление семантической негации к воплощению с помощью формального показателя. Вероятность возникновения энантиосемии возрастает при «неоднозначности» внутренней формы слов: полярные значения чаще всего приобретают эмотивы (ср. *бессердечный* вят. ‘незлобный, никогда не сердящийся, простоватый’, общенар. ‘неотзывчивый, бесчувственный к другим; жестокий’) и обозначения относительной категории – меры, временной или количественной (ср. ряз. *безгоде́вый* ‘проживший очень много лет, очень старый’ и ряз. *безгодо́вый* ‘не достигший необходимой для чего-л. возрастной нормы’). Механизмы возникновения нетривиальной семантики у *без-*образований свидетельствуют о том, что негативная семантика изучаемых слов имеет тенденцию к генерализации.

Во второй главе «Семантико-мотивационное своеобразие отсоматической лексики с приставкой *без-*» меняется масштаб исследования: от общих закономерностей, присущих всему комплексу слов с приставкой *без-*, мы переходим к изучению семантико-мотивационных особенностей *без-*префиксальных дериватов одной тематической группы слов – соматической лексики. Отсоматические *без-*образования классифицируются в зависимости от того, отсутствие какого соматического объекта названо в их внутренней форме. Это позволяет построить «карту тела», которая включает части тела и органы, чье отсутствие или неудовлетворительное функционирование номинируется, и понять таким

образом, какие соматические объекты могут или не могут мыслиться отсутствующими. «Карта тела», восстановленная на основе лексики, обозначающей отсутствие соматических объектов, расходится с аналогичным конструктом, который может быть составлен исходя из наименований частей и органов человеческого тела в общенародном языке и диалектах: она являет облик человека физического в «редуцированном» варианте. В основу этой карты положены представления об отсутствии следующих соматических объектов.

Части тела: голова (*голова/глава, шабалá, башка*), лицо (*лицо, лик*), лоб, глаза (*око, глаз*), брови, ресницы, нос, губы (*губа, брилá*), зубы, челюсти, скулы (*салáски*), язык, нёбо, уши, руки, пальцы (*палец, перст, пáкля*), ногти, суставы пальцев (*кокотóк*), ноги, пятки, пальцы ног, икры, колени, бедра, ягодицы (*лядвeя, гáча, гуз*), грудь, спина, бок.

Покровы: волосы (*волосы, хвост, коса*), борода, усы, кожа.

Органы: мозг (*мозг, глузд*), сердце, органы брюшной полости (*чрево, нутро, кишки, живот, брюхо*), половые органы, половые признаки: первичные половые признаки (*уд, семя*), вторичные половые признаки (*сúси, тíти, молоко*), общее обозначение пола (*пол*).

Жидкости: кровь (*кровь, рудá*), желчь, слезы.

Кости (*кострeц, хребет*).

Тело «вообще»: «нетопографические» соматические объекты (*мясо, тело, плоть, тук*), общая конституция (параметризация) человеческого тела (*вес, рост, стать*).

Прочее: талия (*перeжím, перeхвáт*), жилы, горб, неименованные органы (*член, орган*).

Сама возможность появления отсоматических без-образований зависит от экстралингвистических факторов (высокая степень бытовой травматичности той или иной части тела; традиция пыток и казней; аномальность отсутствия соматического объекта) и собственно языковых

факторов (многозначность отсоматических образований, наличие у них вторичных значений или устойчивых коннотаций, выходящих за пределы соматической сферы; отсутствие альтернативных без-образованиям способов обозначения увечья; морфонологический фактор).

Зафиксированные в языке представления о «членимости» (глубине детализации) тех или иных соматических объектов разнятся. К наиболее «членимым» частям тела относятся голова, руки и ноги. Часто в лексике отражены представления о последствиях того или иного типа пыток (так, урал. *безно́сич* ‘безносый’, возможно, сохраняет «память» о последствиях вырывания ноздрей, ср. здесь новг. *безно́здрая* ‘прозвище женщины’).

Отсоматические без-образования распределяются в зависимости от позиции, занимаемой ими на шкале глубины семантической деривации (предложенной в гл. 1 настоящей работы). В одних случаях значение остается в сфере соматики (арх. *безно́гало* ‘безногий’), в других может наблюдаться многоступенчатый переход на основе метонимии и метафоры (новг. *бескокóтный* ‘неумелый, неловкий, «безрукий»’, ср. влг., яросл. *кокотóк* ‘сустав пальца (на руке); наружная сторона сустава пальца (на руке)’). Глубина семантической деривации зависит от экстралингвистических и собственно языковых факторов, среди которых степень функциональности органа, его значимость для человеческой жизни, его символическая значимость; стилистическая и смысловая специфика производящей основы. Наиболее разработанной является семантика без-префиксальных дериватов от основ, номинирующих глаза, зубы, голову, бороду, руки, ноги, кровь, слезы, тело и плоть.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА «Семантика и функционирование без-конструкций в текстах разных фольклорных жанров» призвана прояснить особенности бытования слов и сочетаний с приставкой и (главным образом) предлогом *без* в тексте – в той его разновидности, которая максимально идиоматизирована и близка к системе языка, – в поэтических формах

фольклора.

В **параграфе 3.1** высказаны общие замечания об особенностях функционирования *без-конструкций* в произведениях устного народного творчества, приведена статистика их употребления в текстах разных фольклорных жанров. В одних жанрах *без-конструкции* частотны и могут выполнять структурообразующую роль – когда наличие компонента с семантикой отсутствия / недостачи (*без*) является конструктивным принципом организации высказывания, образует его логическую структуру или, по крайней мере, существенно влияет на нее (это характерно для пословиц и поговорок, загадок, заговоров и обрядовых причитаний); в других встречаются в умеренном количестве (например, в былинах); в третьих – практически отсутствуют (в частушках и духовных стихах). Причины активности *без-конструкций* в текстах разнятся в зависимости от прагматического своеобразия жанра.

В **параграфе 3.2** «*Без-конструкции в пословицах и поговорках*» отмечается, что иллокутивная доминанта пословиц и поговорок состоит в корректировке действий человека с помощью четкого разведения нормы и аномалии. Аномалия часто обозначается через указание на отсутствие чего-л. – и для выражения этого смысла требуются предлог и приставка *без*. *Без-конструкции*, функционирующие в паремиях, как правило, участвуют в заполнении структурной схемы «без X нет Y» (где X – «предмет отрицания», Y – объект, лишенный X): *Без хлеба не работать, без вина не плясать; Секира без секущего не сечет* и мн. др. – всего порядка 800 текстов. При этом наиболее распространенным следует признать тип пословиц, где на месте X находится обозначение части, а на месте Y – название целого (*Без костей и рыбки не бывает; Голова без ума, что фонарь без свечи*).

Анализ тематической и идеографической принадлежности паремийных «предметов отрицания» показал, что наиболее обширными являются следующие группы: ▪ «Хозяйственный, промысловый инвентарь; материалы;

бытовые мелочи» (*Без клещей кузнец, что без рук*); ▪ «Анатомия и физиология человека и животных» (*Без глаз рожь не пригожа*); ▪ «Прием пищи, еда, посуда» (*Без закваски хлеба не месят*); ▪ «Коммуникация и язык» (*Плохо жить без забот, худо без доброго слова*); ▪ «Социальные отношения, социальная регуляция» (*Жена без грозы хуже козы*); ▪ «Одежда и обувь» (*Без клиньев кафтана не сошьешь*); ▪ «Собственность, богатство, деньги, финансовые отношения» (*Без денег – везде худенек*). Самые частотные «предметы отрицания» в пословицах и поговорках таковы: *хлеб, грех, порок*, а также *дело, ум, разум, честь, счастье, талант, доля, деньги* (и другие обозначения финансов). Разнообразие паремийных «предметов отрицания», равное внимание пословиц и поговорок к абстракциям и элементам вещного мира обусловлены ориентированностью жанра на универсальность, возможность высказывания «обо всем».

В параграфе 3.3 «*Без-конструкции в загадках*» отмечается, что иллюкутивная доминанта загадки, имеющей игровую природу, – угадывание реципиентом фрагментов реального мира, объективно оценивающихся как норма и зашифрованных с помощью метафоры, которая являет аномалию. В построении метафорического текста нередко участвуют без-конструкции: среди загадок распространены такие, которые предлагают отгадать денотат по отсутствию у него некоторого неотчуждаемого (необходимого) свойства и строятся на основании логической схемы «*У существует без X (хотя X является необходимым)*» (*Без ног бежит <река>; Без рук, без топорёнка построена избёнка <гнездо>* и мн. др., всего более 350 текстов).

Поиск разгадки – угадывание скрытого денотата загадки через его заместителя или через описание свойств самого денотата – требует надежных оснований метафорического переноса. Иными словами, метафорически связанные исходная (скрытый денотат) и преобразованная (представление денотата в загадке) ситуации стремятся к простоте, поэтому важное условие для успешного разгадывания загадки – наглядность эксплицируемых

признаков скрытого денотата. В соответствии с этим условием к построению метафоры в загадках привлекаются, как правило, конкретные, инструментальные образные элементы, которые находятся в «ближнем круге» внимания пользователя текстов. Самыми обширными являются следующие группы энигматических «предметов отрицания»: ▪ «Анатомия и физиология человека и животных» (*Без души, без костей, без рук, а дерется на стену <квашня>*); ▪ «Растительный мир» (*Что растет без корней? <камень>*); ▪ «Хозяйственный, промысловый инвентарь; материалы; бытовые мелочи» (*Пришли мужики без пил, без топоров, срубили избу без углов <муравьи>*); ▪ «Постройки и их элементы; дом, двор» (*Дом – а без окон, без дверей <гроб>*); ▪ «Рукоделие» (*Кто тклет без рук, без стана и без челнока? <паук>*); ▪ «Одежда и обувь» (*У кого одна нога, да и та без башмака? <гриб>*). Лидеры среди «предметов отрицания» в загадках – слова *руки и ноги, крылья, топор, углы* (строения).

Параграф 3.4 посвящен изучению того, какую роль играют без-конструкции в заговорах (как устных, так и письменных). Основная целеустановка заговора – магическое воздействие. Все элементы заговорного текста обладают перформативностью (воздействующей силой), в том числе и фигурирующие в заговорах без-конструкции. В целом мы обнаружили порядка 250 текстов, где слова и сочетания с *без* играют роль в конструировании магического смысла, однако функции предлога и приставки *без* разнятся в зависимости от функционального типа заговора, в котором они встречаются. В текстах, направленных на противостояние злу (лечебных заговорах и оберегах), слова и сочетания с приставкой и предлогом *без* выполняют функцию магического отрицания злых сил, которая реализуется с помощью ряда стратегий: обезвреживание недуга через отрицание его опасных свойств, проклятье, инвектива, ср. заговор, содержащий проклятье магического противника: *...будь ты черной ворон с воронихой и ястреб с ястребихой слеп и темен без ясных очей и без*

становых костей, не увидеться бы тебе черному ворону с воронихой...

В заговорах, утверждающих нерасторжимость связи (присушках и скотоводческих заговорах), без-конструкции иллюстрируют отношения неотчуждаемости и участвуют в построении логической схемы «как Y не может без X, так бы и ты без меня не мог» (ср.: *Рыба не может жить без воды, так бы раб не мог жить без рабы*).

В параграфе 3.5 «*Без-конструкции в причитаниях*» вводится термин *семантико-прагматическая доминанта лишительности*, обозначающий базовую для обрядовых причитаний категорию «лишительности», которая имеет концептуальную значимость для жанра, формирует мотивную структуру плачей и выражается лексико-семантическими средствами. Наиболее продуктивное из них – словообразовательные каритивы – слова и конструкции с приставкой и предлогом *без*, «выражающие значение недостачи, нехватки, отсутствия чего-либо»³. В севернорусских причитаниях они обладают высокой частотностью (в исследованном корпусе текстов нам удалось обнаружить 1 260 лексем и предложно-падежных конструкций, содержащих *без*) и называют отсутствие 153 разных объектов и явлений. К наиболее существенным для плачей концептуальным линиям, которые репрезентируются с помощью сочетаний с *без*, относятся: ▪ сиротство, отсутствие членов семьи (*Не красны слывут дочери безматерни, Не славны сыновья живут безотнии...*); ▪ отсутствие дома, приюта (*Как ходить часто по тихим беседушкам **Бездомовым** дочерям да не приходится...*); ▪ отсутствие нравственной, социальной регуляции поведения (*Ой, остались сиротинушки, Ой, да без родимой-то мамушки, Ой, да без приюта великого, Ой, да без надзора хорошего!*). Среди всего разнообразия словообразовательных каритивов, функционирующих в плачах, особенно выделяются два слова – *бессчастный* и *бессчастье*, которые встречаются

³ Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе / С. М. Толстая. – М. : Индрик, 2008. – С. 50.

в проанализированных текстах 674 раза и могут быть признаны ключевыми для похоронно-поминального и рекрутского типов причети.

Несмотря на общие высокие показатели частотности *без*-конструкций в плачах, в текстах разных функциональных типов причитаний такие конструкции появляются неравномерно. Больше всего их в рекрутской причети, а наименьшее количество – в свадебной. Разница в статистических показателях неслучайна и объясняется с позиций лингвопрагматики. С одной стороны, она связана с особенностями обрядов, которые сопровождаются причитаниями, и с восприятием их участниками. С другой стороны, имеет значение специфика текстов причитаний – место плача (вербального кода) в структуре ритуала и особенности организации системы персонажей в том или ином функциональном типе причети.

Наблюдение над бытованием *без*-конструкций в фольклорных текстах в целом позволяет утверждать, что наиболее «популярный» их контекст – высказывания, которые строятся на основании структурных схем «без X нет Y» и «Y существует без X (хотя X является необходимым)», – они встречаются не только в пословицах, поговорках и загадках, но также в заговорах, причитаниях, былинах и лирических песнях. Текстовая экспликация этих структурных схем становится, по всей видимости, одним из базовых способов указания на аномалию в фольклоре вообще. Установление типа логических отношений, которые обозначаются лексемами, занимающими позиции X и Y, дает возможность сформулировать основной когнитивный механизм аномалии. Аномалию в фольклоре, как правило, иллюстрируют указания на целое без части, ситуацию без значимого компонента, а также расторгжимую (в том числе мнимо расторгжимую) и тем не менее расторгнутую связь между какими-либо объектами.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА «Семантико-мотивационная реконструкция слов с приставкой *без*-: историко-лексикологические этюды» содержит

размышления автора об отдельных без-префиксальных словах и включающих их гнездах – тех, которые представляются наиболее интересными с точки зрения этимологии, мотивации, исторических преобразований в семантике, текстового функционирования и пр. В параграфе 4.1 высказаны предварительные замечания относительно содержания главы и применяемых нами аналитических процедур.

Параграф 4.2 посвящен этимологии и системным связям рус. диал. *беспелюха* ‘неумелый, бесхозяйственный человек’, ‘неряха’, ‘глупый, бестолковый человек’ и его вариантов – *беспелюга*, *беспель* и пр. Опровергается существовавшая ранее версия о производности этого слова от *пельмо* ‘ум’, отмеченного в языке бродячих торговцев (офеней), обосновывается его принадлежность к гнезду праслав. **pędliti* ‘натягивать’. Попутно предлагаются уточнения и дополнения к этимологиям других слов – блр. *пялы* ‘ноги’, рус. диал. *пелька* ‘передняя часть рубахи’, *пельки* ‘женские груди’ и др.

В параграфе 4.3 осуществляется попытка уточнить происхождение русской фамилии *Бестужев*: приводятся аргументы против традиционной этимологической версии, согласно которой в основе фамилии лежит диал. *бесстужий* ‘бесстыжий’ (реже ‘незябкий, выносливый к холоду’). Более предпочтительной представляется другая версия, по которой фамилия производна от сочетания *без-* + *туг-* (праслав. **tog-/teg-* ‘тугой, туга, тужить; тяга, тяжкий’). Для ее обоснования привлекаются «внутриномастические» доказательства (отсутствие в русском фамильном ономастиконе фамилий типа **Бесстыжев*, **Бесстыднов* и, наоборот, существование фамилий, образованных от корня *туг-* с другой негативной приставкой – *не-*: *Нетужилин*, *Нетужилкин*, *Нетужилов*), производится семантический и словообразовательный анализ русской литературной и диалектной нарицательной лексики, входящей в гнезда **bezstud-* и **beztog-*.

В параграфе 4.4 анализируется многозначная лексема *бесчестье* и ее

семантическое развитие в русских народных говорах, при этом особенное внимание уделяется нетривиальным, на первый взгляд, значениям этого слова – ‘цена’ и ‘плата за невесту’. Они квалифицируются как результат освоения говорами ныне исчезнувшего правового термина *бесчестье* ‘штраф за оскорбление чести’.

Параграф 4.5 представляет собой исследование языковой жизни слов-идеологем *безбожник* и *беззаветный*: рассматривается динамика изменений в их семантике, коннотациях и сочетаемости в книжной и народной традициях; устанавливается возможность аналогичного или, напротив, несхожего функционирования данных лексем в официальном и «народном» дискурсе. Возможность появления у этих слов положительных коннотаций (ср. литер. высок. *беззаветный* ‘самоотверженный и героический’, литер. устар. *безбожник* ‘человек неверующий в бога, атеист’) во многом обусловлена динамикой социальных и культурных ценностей (в частности, отношения к религии), но связаны также и с собственно лингвистическими причинами.

Параграф 4.6 содержит анализ текстового функционирования лексем *бессчастье* и *бессчастный*. Устанавливается, что эти слова, имеющие преимущественно диалектный характер, обладают высокой частотностью только в севернорусской причетии, а в текстах остальных фольклорных жанров практически не встречаются. Их востребованность причитаниями объясняется тремя факторами. Первый фактор – семантический (значимость понятия «бессчастье» для концептуальной системы плачей); второй – структурный (участие этих слов в создании фигуры амплификации); третий состоит в актуализации этимологических связей данных лексем: *бессчастье* (от *счастье* < праслав. **съ* и **čęstь* ‘часть’) в плачах может обозначать ‘отсутствие части’, что связано со спецификой представлений о доле в рамках переходных обрядов.

В параграфе 4.7 комментируются «темные» слова и сочетания

с приставкой и предлогом *без*, встречающиеся в фольклорных текстах: *безмедники, безмезники, безместники, бесчеловечный* ‘не человеческий, тот, который не является человеком’, *бессердечное дерево* ‘гнилое; имеющее сырую сердцевину или лишенное сердцевины’, *безымянные дни* – в заговорах; *невеста без места* – в пословице; *без жал* (= без рук) – в загадке.

Историко-лексикологические этюды – наиболее объемная, хотя и не единственная в диссертации форма представления сведений об истории отдельных слов. В ходе исследования – на разных его этапах – были предложены и уточнены мотивационные и этимологические решения для ряда непрозрачных слов. Среди них, например, свердл., курган. *бескарюжник* ‘грубый, бесстыжий человек’, перм. *бесхарюжник* ‘бесстыдник, наглец’, ю.-прикам. *бескарюжность* ‘безобразие, распущенность нравов’, свердл. *бескуражный* ‘не знающий стыда, наглый, бесстыжий’ – лексемы, производные от простореч. *кураж* ‘непринужденно-развязное поведение, наигранная смелость’ с последующей метатезой и, возможно, притяжением к *кара* ‘наказание’, а также дальнейшими фонетическими трансформациями.

Следует упомянуть и другие реконструкции, которые приводятся в работе: ▪ сиб. *безвалётный* ‘слабоумный’ (ср. иркут. *валёт* ‘зажиточный хозяин, предприниматель’; *безвалётный* = ‘бесхозяйственный’ → ‘слабоумный’); ▪ перм. *безгáч* ‘человек, который ведет себя неуравновешенно, задиристо, причиняя беспокойство окружающим’ (номинализация предикативного сочетания *до без гач* (перм.) ‘очень сильно, до крайней степени (напиться, быть пьяным)’, ср. ворон., ряз., дон., терск., яросл., иссык-кульск. *гáчи* ‘бедро, ляжки’, урал. *гач* ‘бедро, ляжка’); ▪ нижегор. *безгáда, безгáдушка* ‘метель с сильным ветром, вьюга’ (возможно, из *без зги*, ср. *не видно ни зги*); ▪ перм. *бескрéсу* ‘без отдыха, непрерывно (о работе)’ (= «не имея креса – покоя, отдыха», ср. без указ. м. *крéсу нет* ‘нет

покою, житья’); ▪ влг. *бестабáшник* ‘о человеке: неумный, бестолковый’ и брян. *бестоволо́сый* ‘с непокрытой головой; простоволосый’ (слова со вставным экспрессивно-усилительным элементом *-та-*: *бес-та-баш-ник*, где *баш-* ‘голова’, ср. оренб. *безба́ший*, перм. *безбаи́шкóвый* ‘бестолковый, глупый’; *бес-то-волосый*, ср. общенар. *простоволосый*, пск. *безволо́сый* ‘лишенный волос’); ▪ тамб. *бестук(ч)áнный* ‘бестолковый, непонятливый’ и костром. *безару́кой* ‘плохо видящий’ (от *истукан* и *близорукий* соответственно; префикс *без-* возникает вследствие переосмысления внутренней формы дееимологизированных слов или «под давлением» семантического отрицания); ▪ костром. *бесшалáбный* ‘неумелый’ и нижегор. *бесшалáнный* ‘легкомысленный, беспечный’ (из *без-* + *шал-* < **šalʹ* ‘сумасшедший, шальной’, ср. общенар. *шалной*, *шалый*, яросл. *шалáвый* ‘бесшабашный’; префикс *без-* лишен отрицания и выполняет усилительную функцию) и мн. др.

В **ЗАКЛЮЧЕНИИ** подводятся основные итоги, намечаются перспективы разработки данной проблематики.

В **ПРИЛОЖЕНИИ 1** представлен основной массив исследуемого системно-языкового материала в виде списка корневых гнезд *без-*префиксальной лексики. Подача списка предваряется описанием принципов корневой идентификации *без-*образований. **ПРИЛОЖЕНИЕ 2** содержит список корней и идиоматичных комплексов «приставка + корень» и «корень + суффикс», способных соединяться с префиксом *без-*. В **ПРИЛОЖЕНИЕ 3** включен список неидиоматичных комплексов «приставка + корень» и «корень + суффикс», соединяющихся с приставкой *без-*. **ПРИЛОЖЕНИЕ 4** и **ПРИЛОЖЕНИЕ 5** представляют собой идеографические классификации «предметов отрицания» в пословицах, поговорках и загадках соответственно. В **ПРИЛОЖЕНИИ 6** приведена статистика употребления слов и конструкций с предлогом и приставкой *без* в причитаниях.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ:

1) Сурикова О. Д. Отсоматические образования с приставкой *без-* в русском и украинском антропонимиконе / О. Д. Сурикова // Вопросы ономастики. – 2013. – № 1 (14). – С. 58–78. (1,2 п. л.)

2) Сурикова О. Д. Слова *безбожник* и *беззаветный* в диахронии русского дискурса / О. Д. Сурикова // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1 (47). – С. 249–263. (1,52 п. л.)

3) Сурикова О. Д. О функциях лексических единиц в русском заговорном тексте (на примере конструкций с предлогом и приставкой *без*) / О. Д. Сурикова // Традиционная культура. – 2014. – № 3. – С. 157–164. (0,68 п. л.)

4) Сурикова О. Д. Слова *бессчастье* и *бессчастный* в языке русской причеты (на фоне других фольклорных жанров) / О. Д. Сурикова // Традиционная культура. – 2015. – № 2 (58). – С. 159–169. (1,025 п. л.)

5) Сурикова О. Д., Березович Е. Л. К изучению продолжений праслав. **pědliti* ‘натягивать’: рус. диал. *беспелюха* / О. Д. Сурикова, Е. Л. Березович // Etymological Research into Old Church Slavonic : Proceedings of the Etymological Symposium Brno 2014. – Praha : Lidové noviny, 2015. – S. 23–42. (1,28 п. л./0,64 п. л.)

6) Сурикова О. Д. «За увечье берут *бесчестье*» / О. Д. Сурикова // Русская речь. – 2016. – № 2. – С. 100–106. (0,38 п. л.)

7) Сурикова О. Д. К изучению языкового мира русских причитаний: категория «лишительности» и ее воплощение в тексте / О. Д. Сурикова // Антропологический форум. – 2016. – № 28. – С. 287–298. (0,63 п. л.)

8) Сурикова О. Д. О нетривиальной семантике русских слов

с приставкой *без-* / О. Д. Сурикова // Русский язык в научном освещении. – 2016. – № 2. – С. 150–164. (1,1 п. л.)

9) Сурикова О. Д., Березович Е. Л. К семантической истории «многоканальных» заимствований: случай рус. *кураж* / О. Д. Сурикова, Е. Л. Березович // Вопросы языкознания. – 2016. – № 4. – С. 35–55. (2,04 п. л./1,02 п. л.)

Другие публикации:

10) Сурикова О. Д., Березович Е. Л. Семантико-мотивационное своеобразие русской диалектной лексики с приставкой *без-* / О. Д. Сурикова, Е. Л. Березович // Актуальные проблемы русской диалектологии : тезисы докладов Международной конференции (27–28 октября 2012 г.). – М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2012. С. 11–13. (0,13 п. л./0,065 п. л.)

11) Сурикова О. Д. К изучению семантического своеобразия отсоматической лексики с приставкой *без-* в русской языковой традиции / О. Д. Сурикова // Научный диалог. – 2012. – № 12: Филология. – С. 30–62. (1,5 п. л.)

12) Сурикова О. Д. Языковая жизнь *безбожника* / О. Д. Сурикова // Слово в традиционной и современной культуре : тез. межвуз. конф. молодых ученых (Екатеринбург, 18 мая 2013 г.) / отв. ред. М. Э. Рут. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. – С. 78–80. (0,15 п. л.)

13) Сурикова О. Д. К семантической реконструкции лексики русского заговора (на материале слов с приставкой *без-*) / О. Д. Сурикова // Слово в традиционной и современной культуре : тез. V межвуз. конф. молодых ученых (Екатеринбург, 17 мая 2014 г.) / отв. ред. М. Э. Рут. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. – С. 54–57. (0,18 п. л.)

14) Сурикова О. Д. Идеографическое своеобразие лексики с приставкой *без-* в русской языковой традиции / О. Д. Сурикова // Язык, сознание, коммуникация : сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. –

М. : МАКС Пресс, 2014. – С. 323–331. (0,49 п. л.)

15) Сурикова О. Д. Аномалия как отрицаемая ценность (на материале паремий с предлогом и приставкой *без*) / О. Д. Сурикова // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. – М. : Индрик, 2015. – С. 387–402. (1,07 п. л.)

16) Сурикова О. Д., Березович Е. Л. *Бес-тужев* или *Бес-стужев*? (еще раз о происхождении известной русской фамилии) / О. Д. Сурикова, Е. Л. Березович // Вторые Громовские чтения. Русские народные говоры: прошлое и настоящее : сборник материалов и исследований всероссийской научно-практической конференции (Кострома, 17–18 октября 2014 г.) / сост. Н. С. Ганцовская. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2015. – С. 33–42. (0,56 п. л./0,28 п. л.)

17) Сурикова О. Д. К изучению языкового мира русских причитаний: категория «лишительности» и ее воплощение в тексте [Электронный ресурс] / О. Д. Сурикова // Антропология. Фольклористика. Социолингвистика. Конференция студентов и аспирантов : сборник тезисов (Санкт-Петербург, 26–28 марта 2015 г.). – С. 91–94. – Режим доступа: http://eu.spb.ru/images/et_dep/asf4/TEZISY_ASF2015.pdf (0,25 п. л.)

18) Сурикова О. Д. К вопросу о прагматической обусловленности фольклорного текста (на материале конструкций с предлогом и приставкой *без*) / О. Д. Сурикова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы III Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г.) / отв. ред. Е. Л. Березович. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – С. 265–267. (0,12 п. л.)